

— Бранять, постоянно бранять! хоромъ отвѣчали собравшіеся, и въ домахъ, и на улицахъ, и въ другихъ мѣстахъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ протоіерей о. Романъ Гладкой даже рассказалъ при этомъ, чего онъ наслушался, будучи въ 1826 году въ шествіи духовенства, съ Преосвященнымъ Евгеніемъ во главѣ, препровождавшимъ по Курску гробъ Императора Александра Павловича. Во время шествія завѣдывавшій имъ генераль-адъютантъ верхомъ на конѣ кричалъ громогласно, если то надо было:

— Кутья! остановись! Остановись, кутья!

Архіерей и все духовенство на время останавливались.

Черезъ нѣсколько минутъ опять гремѣлъ голосъ генераль-адъютанта:

— Впередъ, кутья! Пошелъ! и т. д.

Были еще приведены примѣры подобнаго рода.

Преосвященный Иліодоръ сказалъ:

— Ну и пускай бранять насъ кутьею, а мы ее *сладенькую* будемъ подѣдать.

Да, *то* время было очень грубо, иногда до нелѣпости грубо. Такъ, на примѣръ, будучи разсерженъ во время ревизіи Курской гимназіи Харьковскій генераль-губернаторъ Кошкинъ, обратясь къ шеренгѣ выстроившихся учителей, гдѣ были директоръ, инспекторъ и мой родитель, воскликнулъ:

— Всѣхъ васъ въ солдаты отдамъ!

Это было въ 1851 году.

Или: во время литургіи для жены директора П. К. Федорова на лѣвомъ клиросѣ ставилось кресло, которое она занимала, будучи одѣта, какъ турчанка. А у ногъ ея рѣзвились малыя дѣти.

— Идешь, бывало, не разъ рассказывалъ отецъ, на большомъ выходѣ со святыми дарами и боишься, какъ бы ребенокъ не толкнулъ и не выпала бы изъ рукъ св. чаша.

Конечно, чисто формальныя, корректныя отношенія законоучителя къ свѣтскимъ лицамъ установить было не за-